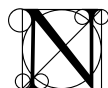

ДЖОН ГРИШЭМ
ВЕРДИКТ

Издательство АСТ
МОСКВА

Уже не впервые я выражаю признательность моему другу Уиллу Дентону, живущему теперь в Билокси, штат Миссисипи, за многочисленные находки и огромное количество рассказанных им историй, которые и легли в основу этой книги; а также его милой жене Люси за гостеприимство, оказанное мне во время моего пребывания на побережье.

Благодарю также Глена Ханта из Оксфорда, Марка Ли из Литл-Рока, Роберта Уоррена из Бог-Читто и Эстеллу, обратившую мое внимание на такое количество ошибок, какое я и представить себе не мог.

Глава 1

Лицо Николаса Истера было почти скрыто за демонстрационным стендом, заставленным новейшими радиотелефонными аппаратами. К тому же он смотрел не в направленный на него объектив скрытой камеры, а куда-то влево, вероятно, на покупателя или на группу ребятишек, нависавших над прилавком с новейшими электронными играми из Азии. Хотя снимок был сделан с расстояния сорока ярдов и фотографу мешало множество прохожих на улице, отделявшей его от объекта, фотография вышла четкая, на ней было запечатлено миловидное мальчишеское, с резко выраженными чертами лицо. Истеру двадцать семь лет, это известно наверняка. Очков не носит. Никаких колечек в носу, стрижка строгая. Ничего, что позволило бы заподозрить его в принадлежности к безумному племени фанатов-компьютерщиков, которые работали в магазине за пятерку в час. В досье сказано, что он служил здесь четыре месяца, а также что он — студент-заочник, хотя в радиусе трехсот миль не удалось обнаружить колледжа, в списках которого он числился. На этот счет он лгал, тут сомнений не было.

Это и понятно, ведь их разведка работала безупречно. Если бы парень действительно учился, они бы знали, где, как давно, чему он учился и хорошо ли, плохо ли. Уж они-то знали бы все. Он был служащим отдела компьютеров в торговом центре. Ни больше ни меньше. Может быть, он собирался куда-нибудь поступить. А может быть, бросил учебу, но ему нравилось называть себя студентом-заочником. Вероятно, так он чувствовал себя увереннее, это давало ощущение того, что у него есть цель в жизни, да и звучало солидно.

Но он не был студентом, ни сейчас, ни в обозримом прошлом он никаким студентом не был. Так можно ли ему доверять? Всю эту информацию люди, собравшиеся в комнате, обсудили уже дважды, дважды останавливались на его имени в сводном списке, в то время как на экране высвечивалась фотография Истера. И почти пришли к общему мнению, что ложь его была невинной.

Он не курил — в магазине курение было строго запрещено, — но видели (не на снимке), как он ел тако в кафе «Фуд гарден» в обществе коллеги, которая, потягивая лимонад, выкурила две сигареты. Судя по тому, что Истера это не раздражало, он не был ревностным противником курения.

Лицо на фотоснимке было худое, загорелое, губы слегка растянуты в улыбке. Белая рубашка с воротом без пуговиц на уголках, форменный красный пиджак, как у всех продавцов, элегантный полосатый галстук. Опрятный, поддерживающий хорошую форму служащий. Фотограф притворился покупателем, который ищет некое редкое техническое устройство, и сумел поговорить с Николасом. Тот произвел на него впечатление знающего, услужливого, обаятельного молодого человека с хорошей речью. В визитной карточке на его груди значилось: «Помощник управляющего», однако такие же визитки носили еще двое служащих, находившихся одновременно с ним в торговом зале.

На следующий день после того, как был сделан снимок, привлекательная девушка в джинсах вошла в магазин и, делая вид, что разглядывает витрину, закурила. Николас Истер оказался к ней ближе других продавцов, или «помощников управляющего», или кем он там был. Он подошел к женщине и вежливо попросил ее погасить сигарету. Она притворилась, что ее это расстроило, даже обидело, и попыталась его спровоцировать на ссору. Однако он по-прежнему тактично и терпеливо объяснял даме, что в магазине приняты строгие правила, запрещающие курение. Она может покурить где-нибудь в другом месте. «Вас раздражает курение?» — спросила девушка, выпуская дым. «Не во мне дело, — ответил он. — Курение раздражает хозяина магазина». И он снова попросил ее погасить сигарету. Она

объяснила, что хочет купить новый приемник, и попросила его принести пепельницу. Николас достал из-под прилавка пустую жестянку из-под воды, взял у покупательницы окурочек и загасил его. Минут двадцать они беседовали о приемниках, так как женщина никак не могла сделать выбор. Она бессовестно флиртовала, и он явно воодушевился. Расплатившись за радиоприемник, она оставила ему свой телефон. Он обещал позвонить.

Вся сцена продолжалась двадцать четыре минуты и была записана на маленький диктофон, спрятанный в ее сумочке. Пленку тоже прослушали дважды, пока на экране светилась фотография Истера, которую изучали собравшиеся юристы и эксперты. Письменный отчет о посещении магазина был приложен к делу — шесть страниц, в которых описывались все подробности, включая обувь (старые найковские туфли), запах изо рта (коричневая жвачка), манеру речи (уровень студента колледжа) и то, как он взял в руку сигарету. По мнению автора доклада, а она была опытна в таких делах, он никогда не курил.

Приятный тембр его голоса, профессиональное умение уговорить покупателя и вести легкую беседу им понравились. Он казался весьма сообразительным и не был табаконенавистником. Не идеальный присяжный, но присмотреться стоит. Проблема заключалась в том, что им было слишком мало известно об Истере — потенциальном присяжном заседателе, значившемся в списке кандидатов под номером пятьдесят шесть. Очевидно, сюда, на побережье, он прибыл меньше года назад, и они понятия не имели откуда. Его прошлое тонуло в неизвестности. В Билокси, в восьми кварталах от здания городского суда, он снял квартиру с одной спальней — у них имелась фотография дома — и поначалу работал официантом в казино на берегу. Быстро вырос до крупье-банкомета в блек-джек, но через два месяца ушел из казино.

Вскоре после того, как в Миссисипи были официально разрешены азартные игры, вдоль побережья в мгновение ока выросло с дюжину подобных заведений, весьма способствовавших процветанию региона. Сюда в поисках работы потянулись люди со всех концов, и было естественно пред-

положить, что Николас Истер приехал в Билокси за тем же, за чем прибыли и десять тысяч других искателей заработка. Единственной странностью казалось то, что он моментально по прибытии зарегистрировался как избиратель.

Ездил он на «фольксвагене битл» 1969 года выпуска — фотоснимок автомобиля сменил на экране портрет самого Истера. Подумаешь! Самая подходящая машина для двадцатисемилетнего одинокого якобы студента-заочника. Никаких наклеек на бампере. Ничего, что указывало бы на политические пристрастия, общественную позицию или любимую спортивную команду. Нет и пропуска на стоянку колледжа. Даже выцветшей эмблемы казино. Машина не говорила о своем хозяине ничего, насколько они могли понять. Ничего, кроме того, что он — почти нищий.

Проектором управлял, давая большую часть объяснений, Карл Нассмен, адвокат из Чикаго, — он оставил практику и открыл собственную консультацию по подбору жюри присяжных. При известном везении Карл Нассмен и его сотрудники могли помочь отобрать оптимальный состав жюри. Они собирали все данные, делали фотографии, записи голосов и подсылали к кандидату в нужный момент блондинок в обтягивающих джинсах. Карл и его коллеги балансировали на грани законности и этических норм, но поймать их было невозможно. В конце концов, что незаконного или неэтичного в том, чтобы фотографировать предполагаемых присяжных? Полгода назад они провели интенсивный телефонный опрос в округе Гаррисон, месяца через два — еще один, спустя месяц еще, чтобы выяснить, каковы настроения в обществе относительно доходов от продажи табака, и на основании этого представить модель идеального жюри присяжных. Они не упускали ни единой возможности что-то сфотографировать, порыться в чужом грязном белье. У них было досье на каждого, кто гипотетически мог бы войти в жюри.

Карл нажал на кнопку, и снимок «фольксвагена» сменился невыразительным снимком многоквартирного дома с облупившейся краской, дома, находящегося где-то неподалеку, в котором жил Николас Истер. Щелчок — и на экране снова портрет.

— Выходит, у нас только три фотографии, относящиеся к номеру пятьдесят шестому, — сказал Карл с ноткой растерянности в голосе, обращившись к фотографу — одной из бесчисленных своих ищеек. Тот объяснил, что ему никак не удавалось подкрасться к парню, оставаясь при этом незамеченным. Фотограф сидел на стуле у дальней стены лицом к длинному столу, за которым собрались юристы, эксперты и их полулегальные помощники. Ему все это порядком надоело; улизнуть бы, думал он, ведь пятница, семь часов вечера! А на экране только пятьдесят шестой, впереди еще сто сорок. Выходные обещали быть ужасными. Надо выпить.

Полдюжины юристов в мятых сорочках с закатанными рукавами делали бесконечные заметки в блокнотах, время от времени бросая взгляды на Николаса Истера, чье лицо светилось на экране. Эксперты в самых разных областях — психиатры, социологи, графологи, профессора-юристы и так далее — шурачили бумагами и колошматили компьютерные распечатки. Они не знали, что делать с Истером. Он был лжец и скрывал свое прошлое, но по документам и по фотографии подходил.

А может, он не лгал? Может, в прошлом году он учился в каком-нибудь дешевом колледже в восточной Аризоне, который они просто пропустили?

«Дайте парню отдохнуть», — подумал фотограф, но промолчал. Среди этих образованных и высокооплачиваемых шишек он был последним, чье мнение кого-то интересовало. Разговаривать — не его дело.

Карл откашлялся, еще раз взглянув на фотопортрет, и сказал:

— Номер пятьдесят семь.

На экране высветилось потное лицо молодой мамы, и по крайней мере двое из находившихся в комнате рассмеялись.

— Трейси Уилкс, — объявил Карл, словно Трейси была их старой приятельницей. Все стали передавать друг другу бумаги. — Тридцать три года, замужем, двое детей, муж — врач.

Будучи членом двух загородных, двух спортивных и кучи прочих клубов, Карл выдергивал эти сведения из

памяти, одновременно орудуя кнопками проектора. Вместо красного лица Трейси на экране возник снимок, запечатлевший ее во время бега трусцой по тротуару: великолепный розово-черный эластичный спортивный костюм, новенькие кроссовки «Рибок», белый козырек от солнца, нависающий над последним словом солнцезащитной оптики, красующимся на носу, длинные волосы, собранные в аккуратный «конский хвостик». Перед собой толкает коляску с грудным ребенком, специально приспособленную для подобных пробежек мамыши. Трейси трудится, можно сказать, в поте лица. Стройная и загорелая, она не так худая, как порой кажется. Имеет кое-какие дурные привычки. Следующий снимок: Трейси в своем «мерседесе»-фургоне с детьми, из каждого окна выглядывает собачья морда. А вот Трейси загружает багажник продуктами. Трейси в спортивных тапочках и плотно облегающих шортах с видом человека, вознамерившегося сохранить атлетическую форму до конца жизни. Ей нетрудно будет осуществить свое намерение, потому что она буквально загоняет себя всякого рода деятельностью, у нее минутки нет, чтобы хотя бы оглянуться по сторонам.

Карл прокрутил фотографии дома Уилксов: массивный трехэтажный загородный особняк всем своим видом просто кричал, что в нем живет преуспевающий доктор. На этих снимках Карл долго не задержался, самое интересное он приберет напоследок: Трейси, опять насквозь пропотевшая, сидит в парке под деревом в безлюдном местечке, рядом в траве лежит ее изысканный велосипед, и она курит!

Фотограф глуповато ухмыльнулся. Это была его лучшая работа — сделанный с расстояния ста ярдов снимок докторской жены, украдкой пускающей дым. Он понятия не имел, что она курит, просто сам остановился покурить у пешеходного мостика, как вдруг она пронеслась мимо. Он почти час слонялся по парку, пока не увидел, как она остановилась и полезла в «бардачок», пристегнутый к седлу велосипеда.

При виде Трейси, сидящей под деревом, все на минуту повеселели. Карл заметил:

— Можно с уверенностью сказать, что номер пятьдесят семь мы берем. — Он сделал пометку на листке бумаги и отхлебнул кофе из бумажного стаканчика. Конечно, он возьмет Трейси Уилкс! Кому не хочется иметь в составе жюри жену доктора, когда адвокаты истца требуют миллионы? Карл, будь его воля, все жюри составил бы из докторских жен, да где ж их набрать столько! А то, что она балуется сигаретами, — всего лишь маленькая компенсация за множество ее достоинств.

Пятьдесят восьмым номером оказался рабочий с верфи в Инголсе, из Пасагулы — пятидесятилетний белый мужчина, разведенный, профсоюзный деятель. Карл дал на экран снимок его «форда»-пикапа и приступил к изложению сведений, когда дверь открылась и в комнату вошел мистер Рэнкин Фитч. Карл осекся. Юристы подтянулись и, внимательнейшим образом разглядывая «форд», бешено застрочили в своих блокнотах, словно опасались никогда больше не увидеть подобного автомобиля. Консультанты тоже изобразили сумасшедшую активность, с серьезнейшим видом делая какие-то записи, — только бы не смотреть на вошедшего.

Фитч вернулся. Фитч был в комнате.

Он медленно прикрыл за собой дверь, сделал несколько шагов по направлению к столу и обвел взглядом всех сидевших за ним. Набрякшие мешки под его потемневшими глазами обвисли. Глубокие морщины, пересекавшие лоб, сошлись вместе. Массивная грудь тяжело вздымалась и опускалась, в течение нескольких минут казалось, что Фитч — единственный, кто вообще дышит в этой комнате. Он размыкал уста, лишь чтобы есть и пить, иногда — чтобы говорить, но никогда — чтобы улыбнуться.

Фитч, по своему обыкновению, сердился, в этом не было ничего нового, потому что враждебное выражение не сходило с его лица даже во время сна. Вопрос лишь в том, будет ли он ругаться, угрожать, даже бросаться предметами или злоба будет безмолвно кипеть в нем? С Фитчем этого никогда нельзя знать заранее. Он остановился у края стола между двумя молодыми адвокатами, что состояли младшими партнерами в фирме и получали за это кругленькие жалованья, выразившиеся в шестизначных цифрах. Они

были здесь у себя — здание принадлежало их фирме. Фитч, напротив, был чужаком из Вашингтона, незванным гостем, чье рычание и гавканье вот уже месяц оглашало помещения фирмы, но ни один из молодых адвокатов не посмел поднять на него глаза.

— Какой номер? — спросил Фитч у Карла.

— Пятьдесят восьмой, — поспешно и услужливо ответил Карл.

— Вернитесь к пятьдесят шестому, — приказал Фитч.

Карл быстро защелкал кнопками, пока на экране снова не возникло лицо Николаса Истера. За столом кипела бумажная работа.

— Что вы узнали? — спросил Фитч.

— Ничего нового, — глядя в сторону, ответил Карл.

— Замечательно, поздравляю! О ком еще из ста девяноста шести человек вы по-прежнему ничего не знаете?

— О восьми.

Фитч сердито запыхтел и медленно покачал головой; все замерли в ожидании вспышки ярости. Однако Фитч, глядя на Карла, несколько секунд медленно гладил свою тщательно подстриженную пегую козлиную бородку, давая улечься гневу, а потом сказал:

— Будете работать до полуночи, завтра начнете в семь утра. То же самое в воскресенье, — после чего развернул кругом свое коротенькое толстое тело и вышел.

Хлопнула дверь. Атмосфера значительно разрядилась, и все — адвокаты, консультанты, Карл — как по команде посмотрели на часы. Только что им приказали провести тридцать девять из предстоящих пятидесяти трех часов в этой комнате, пялясь на увеличенные снимки, которые они уже сто раз видели, запоминая имена, даты рождения и факты жизни почти двух сотен людей.

И ни у кого не появилось ни малейшего сомнения в том, что все они сделают в точности то, что им велено. Ни малейшего.

Фитч направился по лестнице на второй этаж, там его подждал личный шофер, огромный мужчина по имени Хосе. Хосе носил черную куртку, черные сапоги, как у ге-

роев вестернов, и черные солнцезащитные очки, которые он снимал, только когда принимал душ и спал. Фитч без стука распахнул очередную дверь и прервал совещание, которое шло уже несколько часов. Четверо адвокатов со своими помощниками просматривали видеозапись допроса первого свидетеля истца. Изображение на экране замерло через секунду после того, как Фитч ворвался в комнату. Он коротко переговорил с одним из адвокатов и вышел. Хосе сопровождал его, они прошли через узкий зал библиотеки и оказались в другом коридоре. Там Фитч ворвался еще в одну дверь и напугал еще одну компанию адвокатов.

Фирма «Уитни, Кейбл и Уайт», в которой работали восемьдесят юристов, была крупнейшей на побережье залива. Отбор сотрудников осуществлял сам Фитч, благодаря чему фирма зарабатывала миллионы на гонорарах. Но за это сотрудникам приходилось терпеть тиранию и беспардонность Рэнкина Фитча.

Удостоверившись, что все, кто находится в здании, отдают себе отчет в том, что он здесь, на месте, и со страхом в любой момент ждут его внезапного появления, Фитч отбыл. Он стоял на тротуаре, вдыхая теплый октябрьский воздух, и ждал Хосе. На верхнем этаже банка, расположенного в трех кварталах отсюда, светилось множество окон. Враг не дремал. Там были адвокаты истца, они склонялись над столами в разных кабинетах, встречались с экспертами, рассматривали фотографии, то есть делали приблизительно то же самое, что и его люди. В понедельник судебный процесс начнется с отбора присяжных, и Фитч знал, что неприятель тоже потеет над именами, лицами и тоже пытается разузнать, кто же такой Николас Истер и откуда он взялся. И Рамон Каро, и Лукас Миллер, и Эндрю Лэмб, и Барбара Ферроу, и Делорес де Бо... Кто все эти люди? Только в таком болоте, как Миссисипи, еще можно найти столь допотопный список кандидатов в присяжные. Перед тем Фитч организовывал защиту по восьми делам, в восьми разных штатах, где все делалось на компьютерах, все списки были тщательно проверены и где, получая список от клерка, не нужно было беспокоиться, что кто-нибудь из поименованных в нем окажется покойником.